

ИТАК,
МАРК
ТИШМАН.
ПРОДОЛЖИ,
ПОЖАЛУЙСТА,
ФРАЗУ «МОЯ
ЖИЗНЬ-ЭТО...»
МОЯ ЖИЗНЬ - ЭТО
ПРЕКРАСНОЕ,
НЕВЕРОЯТНОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ
!!!

Диалог неформат
Проект Александра Олешко

Фото: Алена Полосухина

Благодарим «Балчуг Кемпински Москва»
(ул. Балчуг, д. 1)
за помощь в организации съемок.

М

ы много раз пересекались на разных концертах. Его хорошо знали тогда в узких профессиональных кругах. В тот момент, когда в одночасье этот круг расширился до размеров страны, мы стали видеться снова. Теперь уже на больших концертных площадках и телевизионных съемках. На проекте «Две звезды», где круглосуточно бок о бок, плечом к плечу в трудных, порой провокационных обстоятельствах, снимаются все – и звезды и начинающие – наши гримерки были рядом. Марк пел дуэтом с Нонной Гришаевой, моей давней «боевой» подругой. Вокруг страсти, слезы, споры и волнения. Там, где Тишман – островок покоя, уюта, комфорта, вкусной еды и непоказной вежливости. Одна артистка кинула фразу: «Он подозрительно прекрасен». Я же после этого проекта понял, что Тишман – герой школьного сочинения из моего советского детства на тему «С кем вы пошли бы в разведку?» Однозначно, с Марком Тишманом.

Я прекрасно помню день и мероприятие, где мы с тобой встретились совершенно в другом еще качестве. То есть ты, конечно, пел, но тогда только узкий круг людей знал о том, что ты поешь. Знали, что есть такой Марк, вот он – высокий, симпатичный парень, хорошо поет. И через какое-то время, я это очень хорошо помню – и день, и даже место, когда ты сказал: «А я на „Фабрику“ ухажу».

И потом, спустя некоторое время, с одной знакомой мы смотрели телевизор: показывали какой-то сюжет из «Звездного дома». И мы в унисон говорили: «О! А наш-то, наш-то! Ой, смотрите, наш-то!» И вот этот «наш-то, наш-то» через очень короткое время превратился в человека, которого теперь знают во всех домах и сенах как личность, которая собственным трудом, талантом, мозгами и голосом себе даже не отвоевала «место под солнцем», а просто пришла на свое место. Вот есть ли для тебя свой собственный рецепт успеха? Думал ли ты, что все произойдет именно так?

Другого пути с детства не представлял. И это странно, ведь у меня никогда ни в роду, ни среди знакомых не было музыкантов или артистов. Жил, как ты знаешь, в Махачкале, там окончил школу. Но что интересно: я никогда вообще не мог – притом что у меня богатое воображение – себе представить, что занимаюсь чем-то другим. Помню, когда я учился в ГИТИСе, мы с друзьями-однокурсниками разговорились: «Только представьте, сколько вас выпускается из театральных институтов! А какое количество из этих выпускников становится артистами, тем более популярными? Мизерное. Вот кто чем бы занялся, не случись сложиться актерской карьеры?» И я помню, что каждый из моих друзей сказал, чем бы он занялся. А я опять не мог ответить. То есть если бы у меня ничего не получилось на музыкально-певческом поприще, это было бы абсолютным крахом моей жизни. Я никаких запасных аэродромов себе никогда не строил. И да, мне было уже немало лет, когда мы с тобой встретились на том корпоративе, где я пел, еще никому не известный. Где-то 25-26 лет. Казалось бы – 26 лет. Что человек делает? Вроде окончил МГУ, факультет иностранных языков. Окончил ГИТИС. Что, играет в театре? Нет.

А ты ГИТИС окончил в качестве кого?

Факультет музыкального театра: певец, артист музыкального театра. Вот что человек делает? Ничего. Ну где-то в рекламе снялся. А петь на корпоративах, свадьбах и днях рождениях как-то вообще неправильно для любого человека. Да? Мне уже намекали люди, что пора бы сменить род деятельности. Но, конечно, я продолжал писать свои песни, показывать, ходил на сорок восемь тысяч кастингов. И если говорить о рецепте, то он один – это бешеная внутренняя мотивация, вот когда тебе ничего больше не нужно. Вот и все. Ну, я думаю, ты и сам такой же.

Да, но речь сейчас не обо мне. Понимаешь, в чем дело, можно ведь иметь эту самую мотивацию, можно даже обладать какими-то талантами, но при этом стучаться все время в закрытые двери.

Так было и у меня.

Тебя посещали в этот момент отчаяние, раздражение?

Да! Конечно.

У тебя опускались руки?

Да. Я же говорю, что ходил на кастинги, где мне давали от ворот поворот. Причем в числе отбирающих и «заворачивающих» на этих кастингах сидели такие люди, как Филипп Киркоров, Виктор Дробыш, президент «Европейской Медиа Группы» Полищуцкий. И они помнят, что я даже приходил к ним на кастинг конкурса «Пять звезд» и пел песню «Я стану твоим ангелом». Естественно, большую роль в судьбе любого играет случай, но случай находит того, кто его ищет. И вот я упорно ходил на кастинги «Фабрик», ходил на кастинги музыкальных конкурсов, как «Новая волна». В конце меня все это стало несколько раздражать. Я зарекся ходить на эти кастинги и подумал: вот пока у меня не будет какого-то блага, я не пойду на кастинг. И помню, мне тут же звонят с конкурса «Новая волна» и говорят: «Вот мы послушали ваши песни, вы хорошо поете. А нет у вас других песен, поинтереснее?» И я прямо не сдержался, не послал их, конечно, но просто положил трубку. Думаю: «То есть сейчас вам песни мои не нравятся? Да пошли вы! Других нет!» И вот зарекся. Но потом вот однажды я узнал, что идет набор на «Фабрику звезд» Константина Меладзе. Меладзе в то время, наверное, был на пике популярности. И, конечно, до сих пор Константин для меня – номер один, автор своего абсолютно неповторимого стиля. Как человек, который тоже пишет, я на него равнялся. И вот когда я услышал про Меладзе и его «Фабрику», я подумал: все, иду! Тем более какой был хороший пиар у кастинга этой «Фабрики»: там говорили, что актерским мастерством будет заниматься Кирилл Серебрянников, очень хорошие преподаватели. И я решил, что должен туда идти. Но подходило время, и мне становилось страшно. Все-таки все эти неудачные кастинги нанесли мне психологическую травму. И в какой-то момент я даже раздумал идти. Но тут объявили, что будет предварительный интернет-кастинг. И я отослал туда свою фотографию и опять же песню «Я стану твоим ангелом», ответил на какие-то вопросы анкеты. И что ты думаешь? Третьего июня – а кастинг сам длился 4, 5, 6 июня – звонок

Ты же не поешь только для подростков или для людей за 40?

У меня аудитория целевая, но не по возрастному принципу. Это люди, которым не хватает, может быть, какой-то лирики... Насколько я могу судить по залу – это 20% подростков, 20% людей до тридцати, 35-40% дам от 35-40 и до 60 лет и 20% людей «благородного возраста».

«Здравствуйте, Марк, вам звонят с „Фабрики звезд“, вы присылали свою анкету». Я остановил посреди Садового кольца машину, нажал «аварийку» и слушал каждое слово. В общем, я пошел туда.

Уточни, пожалуйста, какая это улица была, какое место? Земляной вал.

Поклонницы тебе там растяжку повесят. Это юмористическое отступление. Продолжай, пожалуйста.

Ну вот, значит, в этот день я окончил ГИТИС, и меня мой мастер взял в аспирантуру. То есть я занимался актерским мастерством со студентами. И как раз в этот день у моих студентов был спектакль, который я с ними делал. Но я поехал, естественно, на кастинг. Приезжаю и думаю: «Ну, сейчас как из интернет-кастинга примут, я один войду». И тут понимаю, что там таких человек семьсот стоит. Ну, думаю, пошло оно все к черту! Пойду к машине, поеду как всегда в театр ГИТИСа, к своим студентам. Но тут как раз вызвали мою «десятку», и я пошел. Решил проходить эти долгие и мутные кастинги с юмором, и, видимо, это и «пробило». Сначала прошел какие-то конкурсы с простыми

Усталость как-то выпустить надо. Как и где ты это делаешь?

Послушай, я же Лев.

И я как гордый Лев не могу позволить людям, тем более моим коллегам, увидеть свою слабость. Я очень выносливый человек, хотя и могу казаться со стороны хрупким. На сцене я могу покричать и порасстраиваться.

редакторами, потом уже пришел Константин Меладзе и телевизионный продюсер. Я представляюсь: «Марк Тишман, столько лет, я из интернет-кастинга прошел. Там была песня „Я стану твоим ангелом“». И они закивали: «Да, да, мы помним». А в Интернете можно было голосовать. Я говорю: «А, так это вы те три человека, которые проголосовали за эту песню?» Они рассмеялись, расслабились – и вот так я попал на эту самую «Фабрику звезд».

Хорошо, попасть – это одно, но потом остаться, состояться, продолжать и развиваться – это совершенно другое дело. Вот есть ли что-то или кто-то, кто тебя вдохновляет, кто тебе дает силу идти дальше? Твоя внутренняя убежденность чем-то должна быть подпитана?

А что обычно питает людей, которые пытаются творить? Любовь. Если же говорить о том, что дает жизненные силы и стремление идти дальше, то это скорее какая-то необходимость – вот надо и все! Да и без этого уже не можешь, только это интересно, только это приносит какие-то сильные эмоции, чувства.

А у тебя не случилось какого-то разочарования, когда ты перешагнул через десять ступенек по лестнице наверх?

Нет, глобальных разочарований у меня не было. А все потому, что я эти десять ступенек не перешагивал: просто поднимался, поднимался, поднимался потихоньку, а потом мне нужно было подняться только еще на одну ступеньку. И как раз на нее я карабкался долгие годы. Конечно, были какие-то моменты тяжелые. Когда мы окончили «Фабрику», прошел тур. Мы объездили за год двести с лишним городов.

Это абсолютно сумасшедший график. Когда ты на автобусе сначала едешь через всю Россию до Дальнего Востока, потом возвращаешься в Москву, а из Москвы на следующий день летишь в Нью-Йорк, а там гастролы по Америке. И, конечно, везде полные залы, все тебя принимают... А потом все это заканчивается. Утихает эта огульная телевизионная история, и теперь ты сам должен придумать, что с тобой будет происходить, потому что Константин Меладзе на всех не хватает, он не может быть все время занят только тобой. В моем понимании он настолько гениальный композитор и поэт, что уже не может быть гениальным продюсером, ведь продюсер – это человек, который должен просчитать, высчитать, скосить бабло и все прочее. Ему просто не хватало на меня сил и времени. И как-то так случилось, что я стал работать самостоятельно. Что удивительно, особенно для шоу-бизнеса, что Константин меня отпустил без конфликтов, без отступных. И вот я уже несколько лет – самостоятельная единица, то есть сам себе продюсер и все прочее.

Хорошо, ты для себя отвечаешь на вопрос или задаешь себе его: что такое счастье? На него люди столетиями пытаются ответить.

Наверное, для меня счастье – это движение.

Можешь сейчас назвать себя счастливым человеком?

Все ли, чего ты хотел, сбылось?

Одна женщина, умудренная опытом, на вопрос «Как ваши дела?» сказала: «Ну, жаловаться грех, а хвастаться нечем».

И тем не менее.

Счастливы ли я? Грех говорить, что несчастлив, но если бы я тебе сказал, что счастлив абсолютно, то обманул бы себя самого. Нет, я в процессе постижения того, что такое счастье и движение к нему. Вообще к счастью, как мне кажется, логично приходит в более зрелом возрасте. Ощущение счастья, гармонии – это уже философия успешных и состоявшихся во многих сферах жизни людей.

Изучая творчество Пугачевой, можно проследить, что многие свои песни она придумывала и складывала «в сундук» до определенного момента, когда, казалось, на эстраде воцарялось затишье. Нет песен, нет идей – и вдруг бац – а у нее новый хит. Например, песню «Свеча горела» она первый раз спела практически в той же интерпретации, в какой когда-то ее записала еще на своих первых гастролях по Северу, будучи совсем юной девушкой. У тебя есть какие-то произведения, что называется, в заглавнике?

Да, конечно, у меня музыкального материала – на несколько альбомов. А я все еще первый никак не вытупищу. Кстати, сейчас усиленно этим занимаюсь: буду снимать свой первый клип. Думаю, что этой осенью я точно должен выпустить первый альбом. Кстати, это очень интересная история: с песнями так и происходит... Например, у меня есть песня «Ближе к небу, ближе к небу...», за которую я получил «Золотой граммофон» и «Песню года».

Кем ты себя больше ощущаешь или называешь, или чувствуешь: певцом, артистом или композитором?

Наверное, артистом.

Который поет и пишет музыку?

Да, артист, который поет и, да, наверное, пишет музыку. Меня часто спрашивают: «Марк, а почему ты не продаешь свои песни?» А вот не могу именно потому, что я не композитор. Во-первых, я не так часто их пишу, во-вторых, у меня нет никакого «композиторского образования». Я знаю многих композиторов, которые встают утром и два часа

работают, сидят за роялем или за компьютером. У меня такого нет, я не могу свои эмоции продавать за деньги другим исполнителям. Есть один-два исполнителя, которым бы я просто отдал песни.

Я могу ругаться за одно: все мои песни искренние. Мне вот говорят: «Напиши вторую „Ближе к небу“ в другом формате и ее возьмут на радио». Но я не могу, это против моего нутра и естества. А песня, которую я хочу сделать заглавной в альбоме, называется «Москва-Нева». Она настолько моя... Кстати, актеры или актрисы, которым я ее давал послушать, говорят: «Ой, ну это прямо Вертинский современный».

Дай послушать обязательно.

Она настолько отражает то, что я делаю, как думаю, чем живу. И раз я все усилия сейчас направляю на то, чтобы эта песня дошла до людей, то пусть она дойдет до них не путем аранжировки или путем определенной подачи под формат, а вот такая как бы рельефная на фоне всего того, что сейчас крутят по радио или на телевидении. А Кирилл мне говорит так: «Ты должен быть Земфирой в поп-музыке. Стремись к этому, то есть всегда точно выверяй тексты, потому что у тебя все есть для того, чтобы быть Земфирой в поп-музыке. Земфиру я очень люблю».

Кто твой зритель, ты его знаешь?

Он очень разный.

Я это потому спрашиваю, что вслед за творческими вечерами Дементьева, в которых ты принимал яркое участие в Израиле, мы поехали с Нонной со своим концертом на гастролы и практически по вашему маршруту проехали. И на всех встречах потом, на всех этих бесконечных банкетах все говорили: «Ой, Марк, какой он мальчик!» И это говорили самые разные люди: девочки, взрослые женщины, тетеньки, дяденьки... То есть у тебя нет целевой какой-то аудитории? Скажем, ты не поешь только для подростков или для людей за сорок? Мне кажется, это очень хорошая история, когда зал разный, люди разные и каждый выбирает в песне что-то свое.

Я сам до конца этого не пойму. У меня аудитория целевая, но не по возрастному принципу. Это люди, которым не хватает, может быть, какой-то лирики, какой-то глубины, какой-то романтики... Насколько я могу судить по залу – это 20 % подростков, 20 % людей до тридцати, 35-40 % дам от 35-40 до 60 лет и, что меня больше всего удивляет, 20 % людей «благоприятного возраста». (Это так за границей называют пожилых людей – люди благоприятного возраста.) Я ведь на концертах не только свои песни пою, но и песни Пахмутовой и Добронравова «Русский вальс». Я произношу какие-то слова, и люди плачут, аплодируют. Приходят и подростки, которым эти песни тоже нравятся. И в то же время пожилые бабушки улыбаются: «Вон, мал, какой молодец, скачет как козлик по сцене и поет «Ближе к небу, ближе к звездам». А «Русский вальс» подросткам... В общем, все у меня как-то намешано, что, в принципе, естественно, потому что люди по своей натуре сложные. В чистом виде в природе ничего не встречается. Так же и в человеке столько всего намешано! Поэтому, когда говорят, что подростку должна нравиться группа «Ранетки», и не может нравиться песня Пахмутовой, я протестую. Ерунда! Я помню, когда мы были школьниками, то слушали кучу старых песен. И так же и сейчас. Просто людям нравится разная музыка – и это нормально, это все равно что пить только чипсами с шоколадками или исключительно высокой кухней – надо все пробовать. ②